

РОССИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Предеина Мария Юрьевна,

Южно-Уральский государственный университет, доцент кафедры философии и социологии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: predeina_maria@mail.ru

Аннотация

Задача статьи – критика искаженных форм отображения империалистической борьбы в общественном сознании. Метод: марксизм. В статье дан анализ великодержавного национализма (в т. ч. в его советском выражении) в аспекте его порождения отчужденными формами бытия человека.

Ключевые слова:

империализм, национализм, отчуждение, идеологические формы.

Наше время – хотим мы этого или нет – время империализма: «избытка капитала» – капитал освоил национальный рынок, его прибыльные сектора – и борьбы за вывоз капитала – внешние рынки. Присвоение новых рынков – рынков отсталых стран – дает повышение прибыли на капитал, поскольку там – как писал Ленин – «капиталов мало, цена земли невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы» [2, с. 360]. И, кроме того, человек (рабочий) незащищен, его эксплуатация не ограничена. В таких условиях капитализм проявляет свою сущность в «чистом» виде – создание прибавочной стоимости, уничтожение человека – пример тому катастрофа «Рана Плаза» (комплекса итало-французских швейных фабрик) в Бангладеш [1].

Борьба за рынки в «нормальных» («мирных») условиях не требует выражения в идеологических формах – так, «работа» итало-французского капитала в Бангладеш находится вне сознания европейца [1]. Отклонение от «нормальных» условий – война против местного капитала, борьба со странами-конкурентами – вводит данные процессы в сознание, хотя и в искаженной форме – персонафицированный капитал (капиталист, политик) не признает целью войны прибыль.

Конкретные формы выражения – точнее, искажения – факта раздела мира в сознании зависят от «конкурентной позиции» капитала: по мере усиления капитала растет универсальность его ценностей. США «болеют» за весь мир, их ценности «общечеловеческие»; Франция – за «тех, кого приручила» (Кот-д’Ивуар, ЦАР); Россия – за «русский мир» и «постсоветское пространство». Империализм подчиняет себе ценности и разрушает их: США дискредитирует демократию, Россия – «левые» идеи. Такое присвоение ценностей в империалистической борьбе оборачивается отчуждением ценностей от людей: люди попадают в состояние материальной и духовной нищеты – ценности, став оружием империализма, обращаются против человечества.

Российский империализм в мире «воздушных замков»

Положение России двойственно: она *сильнее* «ближнего зарубежья» как собственник природных ресурсов и *слабее* «западного мира» как «сырьевой придаток». Отсюда двойственность при осознании самой себя: притязание на доминирование в границах «постсоветского пространства» и обоснование этого притязания

Конференц-зал

в романтическом духе – романтизм восполняет неспособность к экономической конкуренции с Западом.

Отображение империалистической борьбы в идеологических формах – конечно, в искаженном виде – обеспечивает единство общества (при его *объективном* классовом расколе) и притягательность «проекта» для других – тех, кто будет «присоединен». Конкретные формы такого отображения определены полем деятельности, точнее – экспансии. Поэтому при ограниченности данной экспансии «своей» культурой рождается национализм – панславизм, пантюркизм, пангерманизм.

Национализм объединяет «свое» общество и назначает сторонников в «чужих» обществах по принципу крови или происхождения – к примеру, «русскоговорящий». В этом движении национализм поднимается *«над»* классами – иначе объединение невозможно – и ищет осознание самого себя во внеклассовых формах – в романтических преданиях той поры, когда общество было единым. Поэтому, хотя национализм – порождение капитализма, его образы – до (пост) капиталистические: они приходят из родового строя, идеализированных рыцарских времен – Валгалла, Парцифаль, Грааль – или социализма – победа советского народа в ВОВ. Империализм берет от них *форму* – готовность к самопожертвованию, верность долгу – и выхолащивает содержание – к примеру, придает забвению борьбу за социализм. «Пустые» формы он наполняет *любым* (нужным ему) содержанием, в том числе и противоречащим исходному. Отсюда – рационально немислимое, но действительно существующее идеологическое выражение российского империализма через единство великорусского национализма с «советским патриотизмом».

Великорусский национализм и советский патриотизм: видимость синтеза

Текущее отношение великорусского национализма к «советскому патриотизму» – отношение содержания к форме российского империализма.

Великорусский национализм определен *объективными* (внутренними и внешними) противоречиями российской жизни и, как *иллюзорное* средство их разрешения, равно притягателен для власти и обывателя.

Объективно *внутри* российского общества существуют противоречия. Экономическое неравенство, обнаруживающееся в эксплуатации человека, в его отчуждении от труда. То есть в отношении человека к труду как чуждой, принужденной (а не свободной) деятельности. Политическое неравенство как отчуждение государства от общества и человека от государства, сведение свободы к фикции выбора. «Одномерность» человеческого бытия как ощущение себя человеком в животных функциях, в потреблении (но не в труде). Эти противоречия – *еще* до осознания – обнаруживают себя для человека в смутном чувстве неудовлетворенности, протеста.

Осознание данных противоречий (при условии его адекватности) требует их «снятия» в *изменении* «форм общения» – то есть в *практическом* преобразовании действительности.

Последнее для одних чревато потерей власти, а от других требует усилий, сопряженных с риском потери потребления. Поэтому получает распространение *искаженное* отображение противоречий – замена действительных противоречий мнимыми. То есть отображение противоречий *внутри* общества как противоречий *между* обществами – между нациями, цивилизациями и т. п. Такое отображение дает обывателю иллюзию единства нации при расколе, силы при бессилии, богатства при бедности – живущий в долг россиянин беспокоится о прибыли «Газпрома» (ведь тот «национальное достояние»), бесправный россиянин защищает неприкосновенность «суверенной демократии», одинокий россиянин переживает о сохранении «традиционных семейных ценностей».

Так как полученное единство *не подлинное*, его поддержание нуждается в чем-то *внешнем* – точнее, в образе *врага*, как в «двухминутках ненависти» Оруэлла. Этим врагом становится украинец, американец, европеец, по отношению к которым *русский* чувствует себя сильнее, богаче, добродетельнее. То есть утверждает себя

Конференц-зал

и получает эмоциональное возмещение за несвободу в действительной жизни – без риска для себя выплескивает агрессию в пустоту.

Такое единство, фундированное на антагонизме к другому, не подлежит выражению в адекватной форме – иначе «война всех против всех». Поэтому содержание прячут (стихийно или планомерно) от осознания в противоречащей ему сентиментальной форме. При этом в форме узнаваемой – в форме, вызывающей у *большинства* единообразно-возвышенные чувства. Поиск данной формы идет во взаимодействии власти и общества: власть не навязывает обществу формы, а приспособливает уже имеющиеся под свои потребности.

В этом секрет возрожденной «любви» к советскому прошлому: власть (капиталист) и общество (обыватель) согласились забыть о «коммунистическом проекте» – он равно чужд им – и полюбить «советскую империю» как оправдание геополитических амбиций. Так они «сняли» общечеловеческое – *коммунистическое* – содержание советского прошлого и научились использовать его «мертвую» – но еще притягательную – форму для «освящения» экспансии. Благодаря чему любая критика российского империализма превратилась в кощунство – в неуважение к подвигу советского народа.

Последствия такого синтеза

Точно так же, как советская форма «освящает» великорусский национализм через отсылку к уже несуществующему коммунистическому содержанию, так великорусский национализм дискредитирует это содержание через использование его формы. Причина здесь – в *иллюзии* адекватности формы содержанию, или в *иллюзии* тождества великорусского национализма и коммунизма.

Такая иллюзия может не осознаваться как иллюзия (по крайней мере, в массовом сознании): для «среднестатистического» человека свободная организация невозможна, *любые* отношения для него – отношения господина к рабу. В этой логике *начало* российского империализма есть *продолжение* и *возрождение* советского империализма. Последнее, впрочем, имеет под

собой фактическое основание – недаром Энвер Ходжа называл послевоенный СССР «социал-империалистическим государством» [3, с. 36], «схватив» тем самым противоречие советской действительности. Это-то противоречие и разрешилось в гибели СССР, обнаружив *действительную* невозможность синтеза социализма и империализма.

Социал-империалистическое государство – форма *отрицания* коммунизма *на деле* – воспроизводится в массовом сознании как форма коммунистического государства – притом, что *в понятии* коммунизм «снимает» государство, государство *отмирает* в движении к коммунизму. Такая метаморфоза делает современных «коммунистов» (во всяком случае, на «постсоветском пространстве») государственниками – они приветствуют *укрепление* государства, т. е. укрепление *диктатуры буржуазии* – и отдает защиту человека от государства (= капитала) на откуп либералам, которые не могут пойти дальше прекрасноречивых деклараций, частная собственность (= классовое неравенство) – их принцип. В этих условиях протестное движение *обречено* на поражение: и «левые», и «правые» формы протеста ведут в объятия империализма. Только в первом случае – в объятия российского, во втором – западного.

Заключение

В империалистической борьбе «хороших» нет – все преследуют выгоду *своего* капитала – и многополярность – множественность империалистических блоков – не повышает безопасность мира. Логика этой борьбы не отрицает принцип империализма, она определяет периодическое перераспределение мира сообразно с силами игроков – так, Россия борется не *против* империализма «вообще», а *за* свой «кусочек пирога». Иначе говоря: победа конкретного игрока не меняет сущность мирового порядка – принцип империализма воспроизводится в *любом* случае.

Поэтому *отрицание* империализма «вообще» требует иной не империалистической логики – логики отрицания «своего» империализма. То есть отрицание империализма США – в первую очередь – осуществляется в действиях *самых*

Конференц-зал

американцев – в протестах против иракской войны, в акциях «Оккупируй Уолл-Стрит!» – отрицание же российского империализма – в первую очередь – осуществляется (или может быть осуществлено) в действиях русских. Именно здесь соединяется патриотизм – защита своих прав и свобод – и интернационализм – признание прав и свобод других.

И, напротив, утверждение «своего» империализма ведет к отрицанию подлинного национального и интернационального интереса. Это наглядно проявляется в отношении к украинскому кризису: ведь *отрицание* права украинского народа на революцию – в России отрицают Майдан как *революцию* – есть *согласие* на сворачивание буржуазно-демократических свобод в России; *согласие* на раскол Украины по «языковому принципу» есть *раскручивание* «спирали» великорусского национализма в России, а, значит, и *стимулирование* украинского национализма – так как последний есть *закономерный* ответ на агрессию великодержавной нации в виде многолетнего шантажа газовой трубой, насмешек над языком и прочего.

Отрицание империализма нуждается в адекватных идеологических (понятийных) формах. Эти формы *уже* «нащупываются» стихийно и обнаруживают себя в таком требовании Майдана и востока Украины, как «Долой

олигархов!». Но неосознанность данных форм – неосознанность *потенциально* марксистского *ощущения* действительности – *еще* допускает подмену социально-экономических требований националистическими (к примеру, вопросом языка). В итоге «рациональное зерно» народного протеста теряется: в условиях раскола Украины борьба с олигархами отошла на второй план – к радости *всех* олигархов.

Все сказанное актуализирует проблему *присвоения* марксизма – как метода *практического* изменения социальных отношений – посредством теоретической критики, *отрицания* ложных идеологических форм (в т. ч. советских) и во *взаимодействии* с народом.

1. Евроньюс – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2014/04/25/bangladesh-branded-for-life>.

2. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС, Т. 27. Издание пятое. – М.: Политиздат, 1969 – С. 299–426.

3. Энвер Ходжа. Империализм и революция. – Тирана: «8 Нентори», 1979. – 535 с. (<http://www.enverhoxha.info>).

1. Evron'yus – Rezhim dostupa: <http://ru.euronews.com/2014/04/25/bangladesh-branded-for-life>.

2. Lenin, V.I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma // PSS, T. 27. Izdanie pyatoe. – M.: Politizdat, 1969 – S. 299–426.

3. E'nver Xodzha. Imperializm i revolyuciya. – Tirana: «8 Nentori», 1979. – 535 s. (<http://www.enverhoxha.info>).

RUSSIAN EXPANSION IN THE MIRROR OF IDEOLOGICAL FORMS

Predeina Maria Yurievna,

South Ural State University,
Associate Professor of Philosophy and Sociology,
Degree: PhD,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: predeina_maria@mail.ru

Annotation

Goal of this article: a critique of distorted forms of display imperialist struggle in the public consciousness. Method: Marxism. The article analyzes the great-power nationalism (including its Soviet forms) in terms of its generation from alienated forms of human existence.

Key words:

imperialism, nationalism, alienation, ideological forms.
